Развод в 46, или Права на себя

Милана Панова

Развод в 46 или Права на себя

«Автор»
2026

Панова М.

Развод в 46 или Права на себя / М. Панова — «Автор», 2026

Двадцать шесть лет Вера сидела справа. Муж возил, муж решал, куда поворачивать, муж говорил: «Баба за рулём — обезьяна с гранатой». А потом, в обычную среду, за ужином, сказал: «Я ухожу. Я хочу жить, а не существовать».Вере сорок шесть. Она бухгалтер управляющей компании, у неё дочь-выпускница, свекровь с претензиями и накопительный счёт, который вдруг оказался почти пуст. И фраза мужа, брошенная напоследок: «Куда ты без меня? Ты даже машину водить не умеешь».Вера записывается в автошколу — самой старшей в группе среди девятнадцатилетних. Её инструктор — ворчливый бывший водитель скорой, который никогда не говорит «хорошо». А в старой школьной анкете ждёт мечта, записанная в 1999 году.Тёплая, смешная и честная история о том, что начать жизнь заново никогда не поздно. Главное — вовремя остановиться у стоп-линии.

© Панова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Котлеты 6
Глава 2. Анкета 10
Глава 3. Сарафанное радио 13
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Милана Панова
Развод в 46 или Права на себя

Развод в 46
Права на себя
Роман

Глава 1. Котлеты

В среду, без двадцати семь вечера, Вере Павловне Ковалёвой позвонила жительница сорок второй квартиры дома номер шесть по улице Свердлова и сообщила, что у неё в ванной с потолка идёт «коричневый дождь», что управляющая компания сидит на шее у честных людей и что она, Римма Аркадьевна, будет писать в прокуратуру, губернатору и лично Путину.

— Римма Аркадьевна, я бухгалтер, — сказала Вера, прижимая телефон плечом и вытаскивая из сумки пакет с фаршем. — Протечками занимается диспетчерская. Номер у вас на квитанции, внизу, мелким шрифтом.

— Мелким шрифтом! Вот! Вы специально всё мелким шрифтом пишете, чтобы люди не видели!

— Шрифт не я выбираю.

— А кто?

Вера посмотрела на фарш. Фарш был говяжий, с жилками, за четыреста девяносто рублей килограмм, и она купила его, потому что Олег любил котлеты, а свиные в последнее время стал называть «жирнотой».

— Римма Аркадьевна, я сейчас сама позвоню в диспетчерскую. Хорошо? К вам придут.

— Когда?

— Сегодня.

Она не знала, придут ли сегодня. Скорее всего, нет. Сантехник Гоша по средам после шести не отвечал на звонки из принципа, который он сам называл «трудовой кодекс». Но Римма Аркадьевна звонила ей уже четвёртый раз за месяц, и Вера давно поняла: этой женщине нужен не сантехник, ей нужен человек на том конце, который не бросит трубку.

Вера не бросила. Выслушала про сына, который не звонит, про давление сто семьдесят, про соседа сверху, «наркомана, по глазам видно». Потом позвонила в диспетчерскую, потом Гоше, потом ещё раз Гоше. На третий раз Гоша ответил и сказал, что придёт утром, а пока пусть бабка подставит таз.

Вера положила телефон на холодильник экраном вниз и начала месить фарш.

Кухня у них была девять метров, с окном во двор, где стояли гаражи и росла кривая берёза, которую в две тысячи восьмом году, когда они въехали, Олег обещал спилить, потому что она закрывает свет. Берёза за семнадцать лет стала толще, свет закрывала по-прежнему, а Вера привыкла к ней, как привыкают к родинке на собственной руке.

Лук, хлеб, размоченный в молоке, одно яйцо, соль, перец. Мама всегда добавляла ещё тёртую картошку, «чтобы сочнее», но Олег картошку в котлетах не признавал. Вера лепила их одинаковыми, ровными, с ямочкой посередине — эта ямочка нужна, чтобы котлета не вздувалась. Её никто этому не учил. Сама додумалась лет двадцать назад и с тех пор делала так, не думая.

Даша сидела у себя в комнате. Из-за двери не доносилось ни звука: значит, в наушниках. Одиннадцатый класс, через полгода ЕГЭ, профильная математика, обществознание, английский. Репетитор по математике — две тысячи двести за занятие, два раза в неделю. Вера держала эти цифры в голове так же, как держала цифры на работе: сами собой, без усилия, в правильных колонках.

Олег пришёл в половине восьмого. Она услышала, как он долго возится в прихожей, как шуршит курткой, как ставит что-то на тумбочку. Обычно он с порога кричал: «Есть что пожрать?» — и она отвечала: «Руки помой». Это была их перекличка, как у часовых. Сегодня он ничего не крикнул.

Он вошёл на кухню уже переодетый, в домашней футболке, хотя переодевался обычно после ужина. Сел за стол. Положил руки перед собой, как на совещании.

— Котлеты? — спросил он.

— Котлеты. Говяжьи.

— Хорошо.

Она поставила перед ним тарелку, гречку, огурцы из банки, которые закатывала в августе у его матери на даче. Себе положила поменьше. Олег взял вилку, отломил кусок котлеты, подержал на вилке и положил обратно.

— Вер. Сядь.

— Я сижу.

— Нормально сядь.

Она посмотрела на него. Олегу было сорок восемь лет, и выглядел он, если честно, лучше, чем в сорок. С весны он стал ходить в зал, сбросил живот, купил кроссовки за одиннадцать тысяч и какие-то банки с порошком, который разводил в шейкере и пил по утрам, морщась. Вера тогда даже порадовалась: врач в поликлинике говорил ему про холестерин, а он только отмахивался.

— Я ухожу, — сказал Олег.

Она не сразу поняла. Подумала: куда, на ночь глядя? В гараж? К Вадику? Футбол сегодня, что ли?

— В смысле — уходишь?

— В прямом. От тебя. Я ухожу. Я не могу так больше.

Вера положила вилку. Потом зачем-то взяла её снова.

— Как — так?

— Вот так. — Он обвёл рукой кухню, берёзу за окном, банку с огурцами. — Всё одно и то же. Работа, дом, дача, котлеты. Мне сорок восемь, Вер. Я жить хочу. Пока ещё могу.

— А сейчас ты что делаешь?

— Существую.

Слово было не его. Олег так не разговаривал. Он говорил «нормально», «пойдёт», «да ну на фиг». «Существую» он где-то взял. У кого-то.

— Кто она? — спросила Вера.

Олег дёрнул щекой. Она знала это движение двадцать шесть лет: так он реагировал, когда гаишник находил у него просроченную аптечку.

— При чём тут…

— Олег. Кто она?

Он помолчал. Потом сказал, глядя в тарелку:

— Кристина. Ты её не знаешь. Она в клубе работает. Администратором.

В клубе. В фитнес-клубе «Атлант» на Московском проспекте, абонемент за двадцать восемь тысяч в год, который Вера сама ему оплатила на день рождения, потому что «тебе же для здоровья надо».

— Сколько ей?

— Какая разница?

— Сколько?

— Тридцать три.

Вера кивнула. Почему-то именно это показалось ей самым важным, и она запомнила цифру так, как запоминала остатки на счетах: тридцать три. Когда Вере было тридцать три, Даше было четыре, и у Даши был ложный круп, и они с Олегом по очереди сидели ночью в ванной, включив горячую воду, чтобы девочке было чем дышать.

— И давно?

— С июня.

С июня. В июле они ездили в Анапу. Олег всё время писал в телефоне, а она думала — по работе. Дилерский центр, запчасти для грузовиков, вечные звонки, накладные. Она ещё говорила ему: отдохни, выключи ты его.

— Ты меня послушай, — сказал Олег и наконец посмотрел ей в глаза. — Я не хочу скандала. Я всё по-человечески хочу. Ты хорошая, Вер, правда. Ты нормальная баба. Просто… ну, мы как соседи. Ты сама это знаешь.

Она не знала. Она думала, что они как семья.

Вера встала, взяла его тарелку с почти целой котлетой и свою, нетронутую, отнесла к раковине, включила воду и начала мыть. Сначала тарелки. Потом вилки. Потом сковородку, хотя в сковородке оставались ещё четыре котлеты, и их нужно было переложить в контейнер. Она вывалила их в мусорное ведро. Котлеты упали глухо, одна на другую.

— Ты чего? — сказал Олег за спиной.

Она тёрла сковородку губкой. Жёсткой стороной.

— Вер, ну не начинай.

Она ещё ничего не начала. Она хотела сказать ему это, но горло не слушалось, и она тёрла сковородку, на которой и так ничего не пригорело.

— Я завтра вещи заберу. Часть. Потом остальное. Насчёт квартиры потом поговорим, я не зверь. Даше я сам скажу.

— Не смей, — сказала Вера, не оборачиваясь.

— Что?

— Даше не смей говорить. Сегодня. У неё пробник в субботу.

Олег постоял. Она слышала, как он дышит, — тяжело, носом, как после лестницы. Потом он вышел. В прихожей опять зашуршала куртка. Значит, вещи у него уже были собраны: сумка стояла у двери, она видела её краем глаза, когда он пришёл, и решила, что это спортивная. Хлопнула дверь. Не сильно. Олег никогда не хлопал дверьми, он считал это бабской истерикой.

Вера выключила воду.

На кухне было очень тихо. Гудел холодильник. За стеной у соседей, Мироновых, бубнил телевизор — какое-то ток-шоу, где все кричат одновременно. Под окном кто-то пытался завести машину, и мотор кашлял, кашлял и не заводился.

Она села на табуретку и посмотрела на свои руки. Руки были красные от горячей воды, с облезшим лаком на двух ногтях. Обручальное кольцо сидело плотно, не снималось уже лет пять: пальцы стали толще. Вера попробовала его повернуть. Кольцо не повернулось.

Из комнаты вышла Даша — в огромной футболке, с наушником в одном ухе.

— Мам, а папа куда? Я слышала, дверь.

— В гараж, — сказала Вера. — У Вадика аккумулятор сел.

— Опять? — Даша открыла холодильник. — А котлеты где? Пахнет котлетами.

— Не получились. Пригорели.

— У тебя? — Дочь посмотрела на неё с подозрением. — У тебя котлеты никогда не пригорают.

— Сегодня пригорели.

Даша пожала плечами, взяла йогурт и ушла обратно. Дверь закрылась.

Вера просидела на табуретке до одиннадцати. Потом встала, достала из мусорного ведра пакет, завязала его и вынесла на площадку, к мусоропроводу. Мусоропровод в их доме заварили ещё в позапрошлом году по требованию пожарных, и все жильцы до сих пор по привычке ставили пакеты рядом с заваренным люком, а уборщица Зульфия утром ругалась на трёх языках.

Вера поставила пакет рядом с другими, постояла немного на холодной площадке в тапочках и вдруг подумала совершенно ясно, как будто кто-то сказал это ей в ухо:

«А ведь я сейчас Римме Аркадьевне позавидовала. У неё хотя бы с потолка течёт. Хоть какое-то событие».

И засмеялась. Тихо, в ладонь, чтобы не услышали Мироновы. Смеялась до тех пор, пока смех не превратился во что-то другое, и тогда она ушла в квартиру, закрыла дверь ванной на защёлку и включила воду, как тогда, когда у Даши был круп.

Глава 2. Анкета

Ночью она не спала. Лежала на своей половине кровати и смотрела в потолок, по которому раз в несколько минут проезжала полоса света от фар: кто-то парковался во дворе, кто-то уезжал. Олегова подушка пахла его шампунем, мятным, «для мужчин, против перхоти». Вера сначала отвернулась от неё, потом встала и унесла подушку в шкаф.

В три часа ночи она поняла, что не уснёт, и пошла на кухню. Выпила воды. Открыла холодильник, закрыла. Хотелось чем-то занять руки, и она полезла на антресоль в коридоре, где лежали коробки, которые они не открывали со времён переезда. Ей вдруг понадобилось найти одну вещь. Она даже не сразу сказала себе какую.

Антресоль была забита: ёлочные игрушки, Кириллов конструктор, зимние сапоги, которые жалко выбросить, старый пылесос «Ракета», который Олег всё собирался починить. Вера встала на табуретку, потом на цыпочки, чихнула от пыли, достала из самой глубины коробку из-под обуви, перемотанную скотчем, и сразу поняла: она.

В коробке лежали фотографии, напечатанные в «Кодаке» на Свободы, с оранжевыми датами в углу. Открытки. Значок «Отличник ГТО», который непонятно откуда взялся. И общая тетрадь в клеёнчатой обложке, на которой фломастером было написано: «АНКЕТА. Заполняй честно!!! Не читай чужие ответы!!!»

Тетрадь завела Танька Мухина в девятом классе, и потом она ходила по рукам годами, до самого техникума. Вера была её хозяйкой с какого-то момента, а может, Танька просто забыла её забрать. Страницы были разлинованы от руки, на каждой вопрос: «Твоё имя?», «Твой знак зодиака?», «Любимая группа?», «Твой идеал парня?», «Кем ты станешь через десять лет?», «Твоя самая заветная мечта?» Ниже — столбик ответов разными почерками и разными ручками: синей, фиолетовой, гелевой с блёстками.

Вера села на табуретку прямо в коридоре и стала читать.

«Твоё имя?» — «Лебедева Вера». Почерк круглый, с хвостиками у «д». Это девяносто седьмой год, ей семнадцать.

«Любимая группа?» — «Руки Вверх, Иванушки, Мумий Тролль (только никому)». Мумий Тролль тогда считался странным, его слушали мальчики из технаря с длинными чёлками, и признаться, что он тебе нравится, было всё равно что признаться, что ты читаешь стихи.

«Твой идеал парня?» — «Высокий, с машиной, не пьёт, чтобы смешил». Вера фыркнула. Как ни странно, Олег подходил по всем пунктам, кроме, может быть, последнего. Смешить он перестал году к две тысячи пятому.

«Кем ты станешь через десять лет?» — тут она остановилась. Было написано: «Архитектором». И зачёркнуто. И сверху: «Бухгалтером, мама сказала, бухгалтер всегда нужен».

Она совсем забыла про архитектора. Правда, забыла. А ведь была история: в восьмом классе их водили в Ярославский художественный музей, и там в одном зале висели старые чертежи губернаторского дома, с тонкими линиями, с подписями тушью, с какими-то колоннами, и Вера простояла перед ними, пока учительница не дёрнула её за рукав. Дома она потом месяц рисовала на миллиметровке дома с колоннами и показывала маме. Мама сказала: «Красиво. А кормить тебя кто будет, колонны?»

Мама работала кладовщицей на шинном заводе и знала, что почём.

Вера перевернула страницу. «Твоя самая заветная мечта?»

Ответ был не девяносто седьмого года. Чернила другие — чёрная капиллярка, которую ей подарила на день рождения подружка из группы. Почерк уже взрослее, без хвостиков. Значит, это девяносто девятый, ей девятнадцать, второй курс финансово-экономического техникума. Вера прочитала и почувствовала, как у неё краснеют уши — одна, в три часа ночи, в коридоре.

«Проехать всё Золотое кольцо на своей машине. За рулём сама. Чтобы никто не говорил, куда поворачивать».

И ниже, мелко, видимо, приписала позже: «И чтобы музыку свою».

Она закрыла тетрадь и некоторое время сидела, держа её на коленях.

* * *

Лето девяносто девятого года было жарким. Это Вера помнила точно, потому что в общаге у подружки Ленки не открывалось окно, и они спали на полу, на расстеленных одеялах, где было хоть немного прохладнее. По субботам ходили на дискотеку в ДК моторного завода: вход тридцать рублей, девчонкам до десяти вечера пятнадцать. Вера копила с повышенной стипендии и подработки — по выходным она мыла полы в продуктовом на Тутаевском шоссе, где хозяин-армянин дядя Ашот всегда давал ей с собой два банана, «для мозга».

В зале ДК пахло потом, «Шипром», дешёвым портвейном, который проносили в карманах, и чем-то сладким — так пахли духи «Красная Москва», которые никто уже не покупал, но которые почему-то были у всех мам. Под потолком крутился зеркальный шар, половина зеркалец на котором давно отвалилась. Диджей Стасик, длинный и прыщавый, ставил одно и то же, и когда начиналось медленное, девочки отходили к стенке и делали вид, что им всё равно.

Олег подошёл к ней на медленном. Он был старше на два года, уже отслужил, работал в автосервисе у дяди, и у него была белая «девятка» с тонированными стёклами. Про «девятку» знали все, она стояла у входа в ДК, как у входа в посольство.

— Потанцуем? — спросил он. Не «пойдём», не «можно тебя», а «потанцуем», с вопросом, и это ей понравилось.

Они танцевали. Он был выше её на голову, и Вера смотрела ему в ключицу. От него пахло бензином и жвачкой «Бумер». Он молчал весь танец, а когда музыка кончилась, сказал:

— Я тебя отвезу. Ты где живёшь?

— На Пятёрке.

— Далеко. Отвезу.

Она не поехала в тот вечер — Ленка не отпустила, сказала: маньяк, мало ли. Но поехала через неделю. Они ехали по набережной, окна были открыты, у Олега играла кассета, и Вера высунула руку в окно и ловила ладонью воздух, как волну. Ей казалось, что она никогда в жизни не была так счастлива.

— Дай порулить, — сказала она на обратном пути, на пустой дороге за мостом.

Олег засмеялся.

— Ты? Порулить?

— Ну а что? Я смогу.

— Девчонкам руль нельзя, — сказал он весело. — Ты мне коробку убьёшь. И вообще, баба за рулём — это обезьяна с гранатой. Сиди, красивая.

Она и сидела. Тогда это было даже приятно: тебя везут, о тебе заботятся, тебе говорят «красивая». Через год они поженились. Свадьбу играли в столовой того же автосервиса, столы сдвинули буквой «П», дядя Олега напился и пел «Ой, мороз, мороз» в августе. Ещё через два года родился Кирилл.

«Девятку» Олег продал в две тысячи третьем, взял «Логан», потом «Фокус», потом «Тигуан» в кредит. Вера ни разу не сидела ни за одним из этих рулей. Сначала было некогда — маленький ребёнок. Потом незачем — «я же тебя вожу». Потом стыдно: в тридцать пять учиться, как дура, со студентами. А потом она просто перестала об этом думать, так же, как перестала думать про архитектора.

Олег возил. Олег решал, куда поворачивать. Олег включал в машине радио «Шансон» и не любил, когда она переключала.

* * *

Вера посмотрела на часы в телефоне. Было без десяти пять. Через два часа вставать, будить Дашу, делать бутерброды, ехать на маршрутке в контору, где Эдуард Рудольфович опять попросит пересчитать задолженность по дому на Свердлова, потому что жильцы оспаривают пени.

Ей было сорок шесть лет. Её муж ушёл к администратору фитнес-клуба. У неё не было водительских прав, своих денег на отдельном счёте и, как вдруг выяснилось, никакого представления о том, чего она хочет.

Кроме, пожалуй, одного. В тетради, синей ручкой, круглым почерком девочки, которая рисовала колонны.

Вера положила тетрадь не обратно в коробку, а в свою сумку, во внутренний карман на молнии, где лежали паспорт и полис. Потом пошла в ванную, умылась холодной водой и долго смотрела на себя в зеркало. Отёкшие веки. Седина у корней — пора краситься, а она всё откладывала, потому что мастер Алла подняла цену до трёх тысяч. Морщинка между бровями, которую Даша называла «мама считает».

— Ну что, Лебедева, — сказала она отражению девичьей фамилией, которую не произносила вслух лет двадцать пять. — Приехали.

Глава 3. Сарафанное радио

В управляющей компании «Комфорт-Дом» всё становилось известно раньше, чем происходило. Вера была уверена: если бы на крыше дома по Свердлова, шесть, приземлилась летающая тарелка, паспортистка Люба узнала бы об этом минут за десять до посадки — от знакомой, у которой сестра работает в диспетчерской МЧС.

Поэтому Вера пришла в четверг на работу с твёрдым намерением ничего не говорить. Накрасилась тщательнее обычного, надела синюю блузку, которую Олег называл «как у прокурорши». Сварила себе кофе в общей кухне, села за компьютер, открыла 1С. Всё как всегда.

Люба заглянула к ней в половине десятого. Люба была на три года старше, на две головы шумнее и носила на шее очки на цепочке, которые никогда не надевала.

— Верунь, ты чего такая?

— Какая?

— Как будто тебя муж бросил, — сказала Люба и засмеялась.

Вера тоже засмеялась. Посмеялась на секунду дольше, чем нужно. Люба перестала смеяться, зашла в кабинет и закрыла за собой дверь.

— Да ладно, — сказала она тихо.

— Люба, у меня акт сверки.

— Да ладно! Олег? Твой Олег? Да он же у тебя… он же… — Люба не нашла слова и махнула рукой. — Он же у тебя мебель!

— Видимо, мебель решила переехать.

Через сорок минут об этом знала вся контора. Через час к ней заглянула юрист Наташа, молча положила на стол шоколадку «Альпен Гольд» и ушла. Ещё через полчаса пришёл сантехник Гоша, грязный после сорок второй квартиры, встал в дверях и сказал:

— Вер Пална, у бабки там стояк. Я поменял. Вы, это… — Он помялся. — Если чего надо, там, шкаф передвинуть, я могу. Бесплатно.

— Спасибо, Гоша.

— Мужики — козлы, — сообщил Гоша с достоинством человека, который знает, о чём говорит, и ушёл.

Вера смотрела в монитор и не видела цифр. Это было странно и даже немного стыдно: её жалели. Двадцать лет она была в этой конторе той, к кому приходят с проблемами, — та, что найдёт ошибку в начислениях, объяснит жильцу, почему у него пени, договорится с налоговой. А теперь Наташа носит ей шоколадки, как больной.

К обеду позвонила свекровь.

Галина Петровна позвонила не на мобильный, а на рабочий — она считала, что так серьёзнее. Секретарша Ксюша переключила с выражением лица «я не виновата».

— Вера, — сказала свекровь без приветствия. — Мне Олег всё рассказал.

— Здравствуйте, Галина Петровна.

— Здравствуй. Я, конечно, не одобряю. Но и ты пойми. Мужчина есть мужчина. Ему внимание нужно. Ты когда в последний раз с ним куда-нибудь ходила? В театр? В кафе?

Вера открыла рот и закрыла. В театр они последний раз ходили в двенадцатом году, на «Женитьбу», и Олег уснул во втором акте и храпел, а ей было так стыдно, что она потом год отказывалась.

— Ты себя запустила, Вера, — продолжала Галина Петровна тем же ровным, учительским голосом, которым тридцать лет объясняла в школе правописание приставок. — Я тебе давно хотела сказать. Ты не обижайся. Я тебе как мать. Вес. Причёска. Ты же всё в этих кофтах. Мужчине глаз нужно радовать.

— Галина Петровна, — сказала Вера, — я на работе.

— Я понимаю. Я просто хочу, чтобы ты не делала глупостей. Не устраивай ему скандалов, не настраивай детей. Он перебесится и вернётся. Они все возвращаются. Мой Толя тоже, в восемьдесят шестом… — Свекровь осеклась. — Ну, неважно. В общем, держись достойно. И огурцы мои верни, банки. Банки мне на следующий год нужны.

Вера положила трубку. Посидела. Потом набрала маму.

Мама жила в Тутаеве, в своём доме, с курами и котом Бароном, который был старше Даши. Ей было семьдесят четыре, и она до сих пор сама копала огород, а на предложения детей переехать в город говорила: «Чтобы я у вас в коробке сдохла? Не дождётесь».

— Ушёл, значит, — сказала мама, выслушав. Помолчала. В трубке было слышно, как кудахчут куры. — А ты что?

— А что я?

— Ну, ты-то что делать будешь?

— Не знаю, мам.

— Терпи, — сказала мама. — Помыкается и придёт. Мужику одному тяжело, он к старому тянется. А ты не гони. Где ты сейчас в сорок шесть мужика найдёшь? Все хорошие давно разобраны, плохие спились.

— Мам, я не собираюсь никого искать.

— Вот и правильно. Квартира на кого записана?

— На обоих.

— Ну хоть так. — Мама вздохнула. — Ладно. Приезжай в выходные, картошки дам. И Барон по тебе скучает.

Барон по ней не скучал. Барон вообще никого не любил, кроме мамы и миски. Но Вера всё равно сказала спасибо.

* * *

Вечером пришла Танька.

Танька Мухина — та самая хозяйка анкеты — работала акушеркой в областном перинатальном центре, дважды была замужем и оба раза развелась со скандалом, о котором знал весь район. Первого мужа она выставила с вещами на лестницу, второго — на балкон, в январе, «чтобы подумал». У неё был низкий хриплый голос, короткая стрижка цвета «спелая вишня» и привычка называть всех мужчин без исключения «этот».

Она вошла, не разуваясь, прошла на кухню, поставила на стол бутылку грузинского полусладкого и пакет с роллами.

— Рассказывай, — сказала она. — Нет, стой. Сначала штопор. Потом рассказывай.

Вера рассказала. Танька слушала, жевала ролл с лососем, кивала. На слове «существую» она поперхнулась и долго кашляла.

— Существует он! Вер, это ж не его слово. Это ему эта… Кристина в уши надула. Знаешь, откуда? Из коучинга. Они сейчас все в этих коучингах. «Живи для себя», «выйди из зоны комфорта». Он из своей зоны комфорта вышел — прямо в её зону комфорта.

Вера засмеялась, впервые за сутки по-настоящему.

— Тань, мне свекровь сказала, что я себя запустила.

— Галина Петровна? Эта мумия в люрексе? — Танька налила ещё. — Слушай меня. Ты себя не запустила. Ты двадцать пять лет пахала на работе, на кухне и на её даче, у неё на грядках, между прочим. Ты двух детей вырастила. Ты его по врачам водила, когда у него желчный был. У тебя ни одного выходного с девяносто девятого года, если по-честному. Это не «запустила». Это «устала». Разные вещи.

Вера молчала.

— А он что? — продолжала Танька. — Он себе зал купил. На твои деньги. Он себе кроссовки купил, порошки. Он себя не запускал, он себя обслуживал, пока ты всех остальных обслуживала. И ещё чего-то там «существует».

— Тань.

— Чего?

— Я вчера анкету нашла. Твою. Ту самую.

Танька поставила бокал.

— Иди ты. Где?

Вера принесла сумку, достала тетрадь. Танька вытерла руки салфеткой, открыла, полистала. Нашла свою страницу: «Твой идеал парня?» — «Бандит, но добрый». Захохотала так, что сосед Миронов постучал в стену.

Потом нашла Верину мечту про Золотое кольцо. Прочитала. Посмотрела на Веру поверх тетради, долго, как смотрела, наверное, на рожениц, когда решала, справятся ли они сами.

— А ведь ты тогда хотела, — сказала она. — Я помню. Ты в технаре всё говорила: вот получу права. Даже книжку с билетами где-то брала.

— Олег сказал, обезьяна с гранатой.

— Олег сказал, — повторила Танька. — Олег много чего сказал. Олег сказал, что ты хорошая баба, а сам ушёл к той, у которой ногти как у ястреба. Слушай, а что тебе мешает?

— В смысле?

— Права получить. Сейчас. Что мешает?

— Тань, мне сорок шесть.

— А моей роженице в прошлом месяце было сорок четыре. Первенец. Сама родила, без кесарева. Акушерка чуть не прослезилась. Я, в смысле.

* * *

В субботу Олег пришёл за вещами. Вера специально выбрала время, когда Даша будет на пробнике: с девяти до двух. Он пришёл с двумя большими клетчатыми сумками, теми самыми, с которыми они в нулевых ездили в Турцию, и молча складывал рубашки, свитера, бритву, кроссовки. Кроссовки за одиннадцать тысяч он упаковал в отдельный пакет.

— Компьютер я потом заберу, — сказал он. — И удочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.